

**ПОСТКЕЙНСИАНСТВО +
ТРАДИЦИОННЫЙ
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ =
ЦЕЛОСТНАЯ
РЕАЛИСТИЧНАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ XXI ВЕКА**

И.В. РОЗМАИНСКИЙ

кандидат экономических наук, кафедра
экономики Санкт-Петербургского филиа-
ла Государственного университета —
Высшей школы экономики

НИ ДЛЯ КОГО не секрет, что кризис современной экономической науки связан с доминированием в ней неоклассической парадигмы. Нереалистичность предпосылок, лежащих в основе неоклассического подхода — вот где следует искать фундаментальные причины неадекватности многих моделей и рекомендаций в области экономической политики.

Однако при всех своих недостатках неоклассический подход обладает по меньшей мере одним очень важным преимуществом — целостностью. Неоклассическая теория представляет собой целостный, универсальный подход к исследованию не только подавляющего большинства экономических проблем, но также и ряда вопросов, выходящих за рамки «хозяйства», таких как заключение брака и рождение детей, «преступления и наказания», а также посещение церквей, участие в политической деятельности, совершение самоубийств и т.д.

Альтернативные же теории, при всей реалистичности предпосылок, лежащих в их основе, не способны дать такого целостного взгляда не то что на окружающий человека мир, но даже на «хозяйство». В этом состоит одна из важнейших причин того, почему разнообразные марксисты, кейнсианцы, институционалисты, эволюционисты и тому подобные «маргиналы» научного мира не смогли «сбросить с пьедестала» неоклассическое учение.

Цель данной работы заключается в очерчивании контуров теории, которая была бы одновременно и целостной, и реалистичной альтернативой неоклассическому подходу. Для этого в статье предлагается синтезировать подходы двух, на наш взгляд, наиболее перспективных «еретических» направлений экономической мысли ушедшего века — традиционного институционализма и

посткейнсианства. Мы покажем, что по фундаментальным методологическим и теоретическим вопросам взгляды как традиционных институционалистов, так и посткейнсианцев в значительной мере совпадают (и противоречат неоклассикам)¹. Но не это главное. Главное заключается в том, что их подходы отлично дополняют друг друга. И именно благодаря такому взаимному дополнению возникает шанс создания целостной реалистичной экономической теории — теории XXI в. При этом мы вовсе не утверждаем, что традиционный институционализм и посткейнсианство, взятые в отдельности, «неполноценны». Однако, возможно, чрезмерная замкнутость на своих идеях помешала представителям этих школ «раскрутиться» (да простят читатели использование этого словечка из мира шоу-бизнеса!) настолько, чтобы стать мощной альтернативой неоклассической парадигме.

Начнем мы нашу попытку «творческого синтеза», естественно, с рассмотрения самых фундаментальных вопросов.

I. ТРАКТОВКА ПРИРОДЫ МИРА И ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА

Каков мир, т.е. окружающая среда, с которой «имеют дело» экономические субъекты? Каковы сами эти субъекты? На наш взгляд, ответы на эти фундаментальные методологические вопросы служат едва ли не главным критерием, по которому расходятся между собой разнообразные экономические теории. Бо-

¹ Идея о схожести подходов традиционных институционалистов и посткейнсианцев высказывалась уже многократно [3; 11; 13; 22; 23; 26; 28]. Иногда можно встретить утверждение о том, что посткейнсианство представляет собой применение институционального подхода в макроэкономической и финансовой сферах. В определенной мере это, по-видимому, действительно так. А Дж. Кротти [16, р. 129] отмечал, что «макротеория Кейнса базируется на институционалистской методологии».

лее того, отвечая на указанные вопросы, мы во многом предопределяем «характер» нашей экономической теории, т.е. взаимосвязи между интересующими нас переменными, и делаемые выводы.

С одной стороны, неоклассики указывают, что человек обладает неограниченными познавательными способностями и, соответственно, в состоянии обрабатывать безграничное количество информации. С другой стороны, мир характеризуется *эргодичностью*. Это означает, что его прошлое, настоящее и будущее могут быть описаны одной и той же функцией вероятностных распределений². По сути, время сводится к пространству, в том смысле, что возможны движения из одного состояния времени (места пространства) в другое в любых направлениях. Отсюда следует, в частности, что, во-первых, прошлое не сковывает людей тяжелыми оковами необратимости. Во-вторых, люди могут предсказывать будущее — либо «напрямую», либо используя методы теории вероятности. При этом, естественно, если люди могут легко обработать безграничное количество данных, с доступностью (и сложностью) которых проблем не возникает, то, скорее всего, они будут этим заниматься для того, чтобы принимать наиболее выгодные для них решения. А это означает, что люди всегда ведут себя полностью рационально, т.е. оптимизирующим образом.

Ничего удивительного нет в том, что неоклассики приходят к идее равновесия на всех уровнях анализа, и в частности к идее о том, что свободная рыночная экономика склонна самостоятельно обеспечивать полную занятость без инфляции и с устойчивым сбалансированным экономическим ростом. Было бы странно ожидать чего-либо иного от экономики, в которой люди-«оптимизаторы» в состоянии обработать сколь угодно много информации, касающейся

² Об этом неоднократно писал П. Дэвидсон [17; 18; 19].

мира, в котором прошлое, настоящее и будущее онтологически не отличаются друг от друга (подобно тому, как не отличаются друг от друга, допустим, Москва, Санкт-Петербург и Воронеж). Именно здесь, в этих предпосылках, следует искать причины того, почему И. Фишер и Д. Робертсон, М. Фридман и Р.Э. Лукас приходили к таким оптимистичным выводам относительно способности рыночной экономики к «стабильному процветанию».

С другой стороны, и традиционных институционалистов, и посткейнсианцев характеризует и объединяет трактовка природы мира и природы человека как «несовершенных», хотя это «несовершенство» понималось ими несколько по-разному.

Для традиционных институционалистов характерно прежде всего категорическое несогласие с тем, что человек — это «калькулятор, мгновенно вычисляющий удовольствие и боль»³. Люди обладают ограниченными познавательными способностями, и даже если информация достается им без затрат, существуют особые психологические *издержки принятия решений*⁴.

Но это «даже если» не работает: поиск информации также требует издержек (позднее это признали и сами неоклассики, но они решили данную проблему естественным для них «оптимизирующим» образом⁵). Ведь часто происходит так, что информация либо труднодоступна, либо, наоборот, ее слишком много. А нередко она чрезмерно сложна. Во всех подобных случаях возникают *информационные издержки*.

³ Эта крылатая фраза основоположника традиционного институционализма Т. Веблена содержится в его пионерной статье [33, р. 389].

⁴ Об этом первым написал, по-видимому, Дж.М. Кларк [30].

⁵ Имеется в виду теория поиска информации, предложенная Дж. Стиглером и раскритикованная С. Уинтером и другими «альтернативными» экономистами.

Сочетание всех этих аспектов приводит к тому, что люди не в состоянии использовать всю имеющуюся информацию для принятия оптимальных решений. Полностью рациональное поведение оказывается невозможным (здесь еще нужно учитывать, что сама рациональность является нормой поведения, формирующейся эволюционным путем, см. раздел III настоящей статьи). Поэтому главенствуют такие принципы поведения, как ориентация на удовлетворительный результат и следование привычкам (а также рутинам)⁶. Естественно, применяя такие поведенческие принципы, люди приходят к результатам, совершенно отличным от тех, к которым приходят «оптимизаторы».

Для посткейнсианцев центральную роль играет акцент на фундаментальной *неопределенности будущего*. Будущее не только неопределенно, но и *непознаваемо*, поскольку *значительная часть информации*, касающейся этого самого будущего, *еще не создана*⁷. Отсюда следует, что в ходе принятия решений, в которых важную роль играют предположения по поводу будущего, люди онтологически не могут получить необходимую информацию. Соответственно, они никоим образом не могут вести себя как «оптимизаторы». На первый план выходят эмоции. Важнейшим поведенческим принципом для выбора в условиях фундаментальной неопределенности буду-

⁶ О следовании привычкам писали и Т. Веблен, и У.К. Митчелл, и Дж.М. Кларк; об «ограниченно рациональном» поведении, ориентированном на удовлетворительный результат, писали двое последних из названных экономистов [1; 30].

⁷ См. работы Дж.М. Кейнса [4; 5], Дж. Шэкля [31; 32], П. Дэвидсона [17; 18; 19], Д. Дэкуэча [20; 21]. В целом посткейнсианцы говорят об историческом времени, в котором возможно только движение из прошлого в будущее: т.е. прошлое необратимо, а будущее неопределенно. Здесь между прошлым, настоящим и будущим существуют онтологические различия [13].

щего оказывается «жизнерадостность» [animal spirits], т.е. «спонтанный оптимизм», «природное желание действовать»⁸. Другой принцип — ориентация на среднее мнение, смысл которой — в том, что массовое поведение оказывается заменителем знаний⁹.

Естественно, человек, который, к примеру, принимает решения по поводу инвестиций в основной капитал на основании «спонтанного оптимизма» или поведения прочих хозяйствующих субъектов, не придет к результатам, полученным тем, кто сопоставлял предельную производительность капитала со ставкой процента, перебрав при этом всю массу возможных вариантов вложения средств.

Очевидно, что при всем различии акцентов институционалистов и посткейнсианцев (первые фокусируют внимание на масштабности и сложности информации, вторые — на неопределенности будущего, первые подчеркивают роль привычек, вторые — роль эмоций) их объединяет неприятие неоклассического нереалистического видения человека как бесстрастной счетной машины и мира как информационной среды без недостатка, избытка или сложности данных. Иными словами, традиционные институционалисты и посткейнсианцы трактуют природу мира и природу человека реалистично (хозяйствующие субъекты, сталкиваясь со сложным миром, допускают ошибки и принимают неверные решения, и, естественно, вследствие этого сам мир проще не становится). Но также очевидно, что объединение их подходов позволит дать более богатое описание реального поведения людей в реальном мире и сделать «ответ неоклассикам» более целостным.

⁸ Подробнее см. гл. 12 из opus magnum Дж.М. Кейнса [4].

⁹ После Дж.М. Кейнса эти идеи развивали Э. Лоусон [24] и Дж. Кротти [16]. См. также: [9].

II. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ ПРОТИВ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ХОЛИЗМА

Что важнее: часть или целое? Это тоже фундаментальный вопрос, хотя ответ на него отчасти связан с тем, как были решены проблемы, поставленные выше.

Известно, что неоклассики исходят из методологического индивидуализма: зная, как «ведет себя» часть, мы понимаем, как «ведет себя» целое. Закономерности поведения отдельного хозяйствующего субъекта распространяются на поведение всей экономической системы. Такой тезис отчасти обусловлен представлением о людях как об «оптимизаторах». Если два полностью рациональных индивида смогли, к примеру, выбрать такую точку на контрактной кривой, которая полностью устраивает их обоих, то почему этого не сделают все остальные, раз проблем со сбором и обработкой информацией не возникает? Ведь у людей имеются безграничные познавательные способности!

Традиционные институционалисты и посткейнсианцы исходят из методологического холизма: «целое больше, чем сумма его частей» (и здесь они даже более едины, чем в предыдущем пункте). Этот тезис во многом обусловлен пессимистичной трактовкой природы человека и природы мира (естественно, эта «пессимистичность» имеет место лишь по сравнению с неоклассическим подходом!). Дело в том, что для преодоления несовершенства природы мира и человеческой природы приходится формировать определенные *социальные нормы и институты*. Из-за этого каждый отдельно взятый человек не является автономным индивидом, действующим независимо от остальных индивидов и системы в целом. И на цели человека, и на средства их достижения оказывают влияние нормы и поведение других людей и общества в целом¹⁰.

¹⁰ Еще Б. Гильдебранд писал о том, что «человек как существо общественное есть

В принципе один из примеров уже был нами рассмотрен. Этот пример — ориентация на среднее мнение. Делаемый инвестором выбор варианта вложения средств оказывается побочным продуктом массового поведения. Глубинная причина этого — фундаментальная неопределенность будущего и невозможность вести себя оптимизирующим образом в таких условиях.

Но возможны и другие примеры. Вообще говоря, человек, имеющий ограниченные познавательные способности и живущий в мире, характеризующемся необратимостью прошлого и неопределенностью будущего, не может не чувствовать себя незащищенным, если функционирует «сам по себе». Поэтому люди стремятся быть частью отдельных социальных групп и общества в целом. Но для этого приходится подчиняться нормам этих «коллективов». Отсюда следует большая значимость группового и массового поведения. Напрашивающийся пример — поведение в соответствии с эффектом Веблена и прочими эффектами, предполагающими «внешние воздействия на полезность»¹¹.

Кроме того, последствия принятия решения одним человеком могут сказаться не только на нем, но и на прочих субъектах и системе в целом. При этом результаты влияния действий данного индивида на его благосостояние и на благосостояние общества могут оказаться со-

прежде всего продукт цивилизации и истории, и... его потребности, его образование и его отношения к вещественным ценностям, равно как и к людям, никогда не остаются одни и те же, и географически и исторически непрерывно изменяются и развиваются вместе со всей образованностью человечества» [2, с. 19]. Как известно, немецкая историческая школа, представителем которой, в частности, был Б. Гильдебранд, сильно повлияла на традиционных институционалистов.

¹¹ См. классическую работу Х. Лейбенштайна [6], а также *opus magnum* самого Т. Веблена [1].

вершенно разными. Здесь хрестоматийным примером является описанный Дж.М. Кейнсом парадокс бережливости. Впрочем, этот аспект не есть следствие вышеописанной «неортодоксальной» трактовки природы мира и природы человека, а просто продукт реализма (хотя тот же самый реализм как раз и приводит к «еретическому» пониманию мира и человека).

В целом же, отказ от идеи оптимизирующего поведения и отказ от методологического индивидуализма идут «рука об руку». И то и другое необходимо для получения реалистичной экономической теории.

III. РОЛЬ ДЕНЕГ

Являются ли деньги примером одного из важнейших социальных институтов? Или они всего лишь средство обращения, «техническое удобство», используемое для облегчения обменных операций? И вообще, различаются ли чем-либо принципы функционирования денежной и неденежной экономик?

Ответы на эти вопросы служат еще одним критерием для разграничения между экономическими теориями. И по этому аспекту традиционные институционалисты и посткейнсианцы выступают против неоклассиков, причем, опять-таки, если и не единым фронтом, то фронтом, «поддающимся объединению».

Неоклассики дают утвердительный ответ на второй из вопросов, поставленных в этом разделе, и отрицательный ответ на третий вопрос. Традиция такой трактовки идет еще от классиков, в частности от Дж.С. Милля¹². Дело в том, что если деньги — всего лишь средство обращения, то они не будут влиять

¹² Дж.С. Милль писал: «Короче говоря, вряд ли можно отыскать в общественном хозяйстве вещь более незначительную по своей важности, чем деньги, если не касаться при этом способа, которым экономятся время и труд» [7, с. 234].

на поведение людей. А значит, нет оснований рассчитывать на различия между денежной и неденежной экономикой. В любой экономике люди ведут себя полностью рационально и достигают равновесных, т.е. оптимальных для себя результатов¹³.

Традиционные институционалисты и посткейнсианцы, как нетрудно догадаться, дают противоположную неоклассикам трактовку. Денежная и неденежная экономики функционируют по-разному, поскольку существование денег оказывает огромное влияние на человеческое поведение.

Прежде всего, с институциональной точки зрения, появление и распространение денежных форм расчета побуждает людей быть более расчетливыми, т.е. рациональными. Рациональность — это не имманентная характеристика человека, а, в значительной мере, продукт экономической и институциональной эволюции, и в частности формирования системы денежного обращения¹⁴. Кроме того, денежные расчеты приводят к тому, что мотив получения прибыли оказывается ведущим принципом производственной деятельности. В результате наблюдаются колебания прибыли, связанные с тем, что огромное количество факторов разнообразно и непредсказуемо влияет на этот показатель. А отсюда — основания для делового цикла, т.е. для макроэкономической нестабильности, присущей денежным экономикам в отличие от неденежных¹⁵.

К связи нестабильности и денег можно прийти и через посткейнсиан-

ский путь рассуждений. Посткейнсианцы уделяют гораздо более глубокое внимание *причинам появления денег*. Деньги возникают в экономике для снижения степени неопределенности будущего, оказываясь средством урегулирования форвардных контрактных обязательств. Без денег не может существовать контрактная система, которая призвана упорядочить отношения между людьми в мире фундаментальной неопределенности. Поэтому посткейнсианцы определяют денежную экономику как экономику, основанную на использовании форвардных контрактов¹⁶. Однако создание денег не влечет за собой увеличения реального ВВП и занятости. Поэтому, когда хозяйствующие субъекты изменяют структуру вложений своих средств, сокращая спрос на основной капитал и увеличивая спрос на деньги, и наоборот, то происходит деловой цикл (его амплитуда может увеличиться, если применяется внешнее финансирование инвестиций¹⁷). Вот почему в денежной экономике могут возникнуть такие серьезные проблемы с нестабильностью, которые не представимы применительно к неденежному хозяйству.

В целом из вышеприведенных рассуждений следует, что посткейнсианский и институциональный подходы к деньгам удачно дополняют друг друга и позволяют приобрести более полноценный «альтернативный» взгляд на этот социальный феномен.

IV. РОЛЬ ГОСУДАРСТВА

Отношение к роли государства рассматриваемых здесь школ экономической мысли общеизвестно. Неоклассики — «против» государства, а точнее, против его вмешательства в экономику (естественно, с огромным количеством оговорок насчет регулирования внеш-

¹³ В неоклассических моделях генезиса денег появление последних выводится из логики оптимизирующего поведения хозяйствующих субъектов [11; 14; 27].

¹⁴ Об этом впервые написал У.К. Митчелл [30]. Мы однажды попытались создать нечто вроде «общей теории нерациональности поведения», выделив факторы, влияющие на степень рациональности [12].

¹⁵ Эта идея также была выдвинута У.К. Митчеллом [8].

¹⁶ См. работу Ф. Карвальо [15].

¹⁷ См. «гипотезу финансовой хрупкости» [10; 25].

них эффектов, производства общественных благ и т.д.), а их противники — «за». Но здесь важно понять, с чем связаны такие различия. Думается, что вышеприведенный анализ позволяет четко это объяснить.

Разве нужно государство в мире, в котором прошлое обратимо, будущее познаваемо, а люди имеют неограниченные познавательные способности? Такой мир и без государства придет к устойчивому равновесию с полной занятостью, без инфляции и т.д.

С другой стороны, разве можно обойтись без государства в мире с необратимым прошлым и непознаваемым будущим, в мире, в котором «правят бал» несовершенные социальные нормы и действуют несовершенные люди, руководствующиеся привычками, спонтанным оптимизмом/пессимизмом и массовым поведением?

Главная идея, выдвигаемая в настоящей статье, состоит в том, что у экономистов, недовольных неоклассическим подходом, есть возможности создания целостной альтернативной теории, базирующейся на реалистичных предпосылках. Для этого нужно синтезировать подходы традиционных институционалистов и посткейнсианцев, подходы, которые в значительной мере дополняют друг друга. Мы попытались показать, что представители этих двух школ экономической мысли дают примерно одинаковые ответы на фундаментальные экономические вопросы, но при этом делают акценты на разных частных аспектах. Из-за этого, на наш взгляд, многие экономисты неадекватно воспринимают указанные школы экономической мысли. Так, традиционных институционалистов часто трактуют просто как критиков идеи оптимизирующего поведения, не сумевших предложить какой-либо адекватной теории функционирования экономики и ее динамики; тогда как посткейнсианцев упрекают за не-

внимание к поведенческим проблемам и чрезмерную сосредоточенность на взаимодействиях нескольких агрегированных переменных. На самом деле все это — стереотипы, приводящие к заблуждениям. С одной стороны, у Т. Веблена, У.К. Митчелла и Дж.М. Кларка были довольно продуманные теории экономической динамики¹⁸. С другой стороны, Дж.М. Кейнс, а позднее П. Дэвидсон и некоторые другие посткейнсианцы уделяли большое внимание анализу принципов человеческого поведения¹⁹.

Но в принципе отчасти верен тезис, согласно которому посткейнсианцы делают больший акцент на аспектах макроэкономической и финансовой нестабильности, а традиционные институционалисты — на привычках и прочих аспектах ограниченно рационального и нерационального поведения хозяйствующих субъектов. Что ж, вполне логично соединить эти подходы. В общем, мы полагаем, что перспективы создания целостной экономической теории, альтернативной неоклассическому подходу, вполне реальны²⁰.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
2. Гильдебранд Б. Политическая экономия настоящего и будущего. СПб., 1860.
3. Гурова И.П. Конкурирующие экономические теории. Ульяновск: УлГУ, 1998.
4. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс, 1978.
5. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости // Истоки. Вып. 3. 1998. С. 280–292.
6. Лейбенштейн Х. Эффект присоединения к большинству, эффект сноба и эффект Веблена в теории покупательского спроса // Вехи экономической мысли. Т. 1.

¹⁸ См. [8; 29; 30].

¹⁹ См. [4; 5; 15; 19].

²⁰ Уже упоминавшаяся выше «общая теория нерациональности поведения» [12] была сформулирована нами как исследование в духе синтеза традиционного институционализма и посткейнсианства.

- Теория потребительского поведения и спроса. С. 304–325.
7. *Милль Дж.С.* Основы политической экономики. Т. 2. М.: Прогресс, 1981.
 8. *Митчелл У.К.* Экономические циклы: проблема и ее постановка. М.; Л., 1930.
 9. *Розмаинский И.В.* «Конвенциональная теория ожиданий»: ее вызов теории рациональных ожиданий // Вестник СПбГУ. Сер. 5 (Экон.). 1996. Вып. 2 (№ 12). С. 114–118.
 10. *Розмаинский И.В.* Хаймен Филип Мински (1919–1996): вклад в экономическую теорию // Семинар молодых экономистов. Вып. 2. 1997. Ноябрь. С. 50–61.
 11. *Розмаинский И.В.* Соотношение между денежной и бартерной экономикой: институционалисты и посткейнсианцы против неоклассиков // Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. М.: МОНФ, 2001. С. 427–446.
 12. *Розмаинский И.В.* На пути к общей теории нерациональности поведения хозяйствующих субъектов // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Т. 1. № 1. 2003. С. 86–99.
 13. *Скоробогатов А.С.* Экономические институты и деловой цикл: посткейнсианский подход: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2002.
 14. *Brunner K., Meltzer A.* The Uses of Money: Money in the Theory of An Exchange Economy // American Economic Review. December. 1971. P. 787–799.
 15. *Carvalho F.J.C.* Mr. Keynes and Post Keynesians. Principles of Macroeconomics for A Monetary Production Economy. Aldershot: Edward Elgar, 1992.
 16. *Crotty J.* Are Keynesian Uncertainty and Macrotheory Compatible? Conventional Decision Making, Institutional Structures, and Conditional Stability in Keynesian Macromodels // New Perspectives in Monetary Macroeconomics. Explorations in the Traditions of Hyman Minsky / Ed. by G. Dymski, R. Pollin. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994. P. 105–142.
 17. *Davidson P.* A Post-Keynesian View of Theories and Causes for High Real Interest Rates // Post-Keynesian Monetary Economics: New Approaches to Financial Modelling / Ed. by P. Arestis. Aldershot: Edward Elgar, 1988. P. 152–182.
 18. *Davidson P.* Post Keynesian Macroeconomic Theory. L.: Edward Elgar, 1994.
 19. *Davidson P.* Reality and Economic Theory // Journal of Post Keynesian Economics. Vol. 18 (4). 1996. P. 479–508.
 20. *Dequech D.* Asset Choice, Liquidity Preference and Rationality under Uncertainty // Journal of Economic Issues. Vol. 34 (1). 2000. P. 159–176
 21. *Dequech D.* Fundamental Uncertainty and Ambiguity // Eastern Economic Journal. Vol. 26 (1). 2000. P. 41–60
 22. *Dillard D.* A Monetary Theory of Production: Keynes and Institutionalists // Journal of Economic Issues. 1980. June. P. 255–273.
 23. *Hodhson G.* Post-Keynesianism and Institutionalism: the Missing Link // New Directions in Post-Keynesian Economics / Ed. by J. Pheby. Aldershot: Edward Elgar, 1989. P. 94–123.
 24. *Lawson T.* Uncertainty and Economic Analysis // Economic Journal. Vol. 95. December. 1985. P. 909–927.
 25. *Minsky H.P.* Stabilizing An Unstable Economy. L.: Yale University Press, 1986.
 26. *Mouhammed A.H.* Veblen and Keynes: on the Economic Theory of the Capitalist Economy // Journal of Institutional and Theoretical Economics. Vol. 155. 1999. P. 594–609.
 27. *Niehans J.* Money and Barter in General Equilibrium with Transaction Costs // American Economic Review. December. 1971. P. 773–783.
 28. *Peterson W.* Institutionalism, Keynes and the Real World // Journal of Economic Issues. June 1977. P. 201–221.
 29. *Raines J.P., Leathers C.G.* Economists and the Stock Market: Speculative Theories of Stock Market Fluctuations. Cheltenham: Edward Elgar, 2000.
 30. *Rutherford M.* Institutions in Economics. The Old and the New Institutionalism. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
 31. *Shackle G.L.S.* Expectations and Employment // Economic Journal. Vol. 49. September. 1939. P. 442–452.
 32. *Shackle G.L.S.* Keynesian Kaleidics. The Evolution of A General Political Economy. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1974.
 33. *Veblen T.* Why Is Economics Not An Evolutionary Science? // Quarterly Journal of Economics. July. 1898. P. 373–397.